

Московский гумбольдтовский клуб

**ЛОМОНОСОВ И ГУМБОЛЬДТ:
НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ГЕРМАНИИ –
ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

*Материалы международной конференции в
МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва
14 – 17 ноября 2011 г.*

**Москва
Институт энергии знаний
2011**

УДК 001(47+57:430)(091)<17/20>(082)
ББК 72.3
Л75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
ООО «Инновации и высокие технологии МГУ» и
Фонда им. Александра Гумбольдта (Германия)

Ломоносов и Гумбольдт: научное сотрудничество России и Германии – от истоков до наших дней. Материалы международной конференции в МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, 14 – 17 ноября 2011 г. / Московский гумбольдтовский клуб; Общ.ред. д.ф.н., проф. Т.С.Иларионовой. - М.: Институт энергии знаний, 2011. - 221 с.

В сборнике представлены статьи участников Гумбольдтовского коллоквиума по разным направлениям научных исследований. Авторами уделено большое внимание опыту и перспективам российско-германского интеллектуального сотрудничества, оценены пути модернизации России, предложены новые решения в области гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Сборник дает представление о темах исследовательских проектов ученых России. Статьи на русском, немецком и английском языках приводятся в авторской редакции.

Для читателей, интересующихся проблемами современной науки.

ISBN 978-5-904843-04-5

ISBN 978-5-904843-04-5

© Авторы, 2011 г.
© Иларионова Т.С., общая редакция, 2011 г.
© Институт энергии знаний, оформление, 2011 г.

**Из истории российско-немецкого научного диалога:
журнал «Славянское обозрение»**

Научный журнал «Славянское обозрение» издавался в Праге двенадцать лет – с 1929 по 1940 гг. До 1939 года журнал выпускался «Немецким обществом славистики в Праге» (Deutsche Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag) при поддержке Немецкого университета и правительства Чехословакии. Издателями журнала до начала Второй мировой войны были два немецких слависта из Праги – Герхард Геземан и Франц Шпина. Шпина также занимал пост министра в правительстве Чехословацкой республики. В 1939 г. в структуре журнала произошли изменения: последние два года он издавался от имени редакционного совета, представленного работавшим в Праге словенским славистом М. Мурко. Функцию учредителя взял на себя Институт славистики Немецкого университета.

Научная программа «Славянского обозрения», как и близкого ему по духу журнала «Германославика» (о «Германославике» см.: [1]), входила в рамки политического и культурного проекта по развитию славянско-немецкого культурного и научного сотрудничества после первой мировой войны, активно поддерживавшегося правительством Чехословацкой республики и ее первым президентом Т. Г. Масариком. Этот проект в двадцатые – начале тридцатых годов реализовывался в деятельности «Немецкого общества славистики в Праге», организованного 5 декабря 1930 г. Научная концепция общества была представлена на страницах «Славянского обозрения» [3, 1 – 7]. На ней стоит остановиться подробнее.

Среди фундаментальных принципов научной работы общества называются коллективность, междисциплинарность и общность мировоззренческих установок (Geistesverbundenheit) [3, 1]. В соответствии с ними выделяются пять основных направлений деятельности [3, 3]. Первые два направления отличаются специальным филологическим характером: они посвящены славянской фольклористике (прежде всего изучению славянского народного эпоса в сопоставительной перспективе) и новой лингвистической дисциплине, которая именуется «ритмико-фонологическим» проектом (rhythmisch-phonologische Arbeitsgemeinschaft, [3, 4]. Третье направление или «сообщество интересов» связывается с журналом «Германославика». Его задача определяется как «сравнительное изучение германо-славянских литературных и культурных отношений» [3, 4]. По сравнению с чисто научным характером первых двух направлений сфера ответственности «Германославика» понимается как «редакционная» и «поощрительная» (forschungsfördernd, [3, 5]). Иными словами: «Германославика» мыслится преимущественно как публикационный орган, к которому не могут быть применены строгие критерии научной специализации и коллективной работы над общими задачами и методами.

Четвертое направление формируется вокруг «Славянского обозрения». Функция журнала преимущественно информативная: он призван давать критические рецензии и обзоры «современной духовной жизни славянских народов» [3, 5]. «Славянское обозрение» рассматривается скорее как научно-просветительский печатный орган, в публицистической форме знакомящий немецкую читательскую

аудиторию с успехами науки в славянском мире. Последнее, пятое направление, задумывалось как очередное печатное издание, ежегодник «Научные сообщения славянской науки» (*Forschungsberichte der slavischen Wissenschaft*), который должен был рассказывать о достижениях славянской науки в широком смысле слова. Особое внимание планировалось уделять истории, филологии, искусствоведению, музыковедению, этнологии, географии, антропогеографии и антропологии [3, 5]. Это последнее направление не получило развития – как по причине финансовых затруднений, так и потому, что с задачами научно-просветительского информирования вполне справлялось «Славянское обозрение».

В этой программе «мастерской славистики» (*eine Werkstatt der Slavistik*, [3, 6]) есть ряд специфических особенностей. Во-первых, все названные печатные органы издаются исключительно на немецком языке и обращены к немецкой образованной публике. «Немецкое общество славистики в Праге» мыслит свою деятельность как посредническую, призванную, среди прочего, укрепить в Германии научный интерес к славянской Восточной Европе и вызвать ответную реакцию в немецкой академической среде. Забегая вперед, признаём, что последнего так и не произошло: работы собственно немецких ученых в «Славянском обозрении» крайне немногочисленны и практически полностью исчезают в последних выпусках.

Вторая особенность состоит в восприятии славянского мира как единого целого. Недаром авторы научно-издательской программы «мастерской славистики» часто говорят о «славянской науке». Как покажет дальнейший анализ, под «славянской наукой» имеется в виду не просто географическое пространство Центральной и Восточной Европы, но и духовно-культурная общность всех славянских народов. Именно эта выдвинутая в центр научной работы «Немецкого общества славистики в Праге» и его изданий концепция славянской общности вызвала наибольшее количество размышлений, дискуссий и критических реплик, в том числе и со стороны немецких авторов. Некоторая часть этих откликов была опубликована на страницах «Славянского обозрения».

В своих попытках очертить границы славянского единства редакция «Славянского обозрения» сталкивается с политико-идеологической проблематикой. Что делать, например, с Советским Союзом и его наукой? Очевидно, что концепция целостности славянского мира и его науки не может быть обоснована без учета России и русской культуры. Чтобы сохранить историческую перспективу и одновременно остаться в поле актуальной научной проблематики, редакция «Славянского обозрения» выстраивает концепцию преемственности российского и советского культурно-исторического пространства. Эту концепцию призваны поддерживать многочисленные публикации советских исследователей и российских ученых, оказавшихся в эмиграции. «Славянское обозрение» являет собой нечастый случай плодотворного и бесконфликтного сотрудничества исследователей разных школ и мировоззренческих позиций в рамках одного журнала. Назовем лишь наиболее известные имена российских и советских авторов, регулярно печатавшихся в «Славянском обозрении». Это филологи Р. Якобсон, А. Бем, М. Алексеев; историки П. Бицилли и Г. Вернадский; философы С. Франк, Д. Чижевский, Б. Яковенко; географ П. Савицкий; этнограф Д. Зеленин.

В списке российских авторов «Славянского обозрения» обращает на себя внимание присутствие российских «евразийцев» – Г. Вернадского и П. Савицкого. Это не случайно – евразийская идеология с ее симпатиями к Советскому Союзу вполне соответствовала объединительной установке журнала.

Среди русскоязычных ученых, активно выступавших на страницах «Славянского обозрения», особенно выделяется Роман Якобсон. Остановимся лишь на одной его публикации, являющейся, на наш взгляд, программной для общей концепции журнала.

В первом томе «Славянского обозрения» (1929 г.) помещена статья Якобсона «О сегодняшних предпосылках русской славистики» [6, 629 - 646], в которой, с одной стороны, очерчиваются конкретные задачи русской славистики, с другой – набрасываются контуры специфической «русской науки». Не останавливаясь на первом аспекте статьи, обратимся к тем качествам, которые, по Якобсону, отличают русскую научную школу от других. Прежде всего, Якобсон замечает, что традицию отечественной науки составляет интенсивное исследование периферии, часто в ущерб центру [6, 631]. Иными словами – российская наука подчеркнуто интересуется проблемами границы и «чужести». Вторая особая черта русской науки, по Якобсону, заключается в тенденции рассматривать русский мир как одно целое и подчинять отдельные пространственно-временные проявления русской культуры этому целому. Соответственно, в-третьих, русская научная среда враждебна позитивизму с его «механистической причинностью» [6, 633]. По Якобсону, неприятие позитивизма в равной мере отличает Достоевского и русских марксистов [6, 633]. В этом смысле русская наука отличается телеологизмом и интересом к принципам номогенеза – в ней вопрос «для чего» доминирует над вопросом «почему».

Вышеупомянутые характеристики – центробежность, холизм, телеологизм и проблематика номогенеза – складываются у Якобсона в конечном итоге в методологическое обоснование структурализма как «русского мышления». По мнению Якобсона, «одним из характерных выражений структурализма в современной русской науке является формальная школа в литературоведении» [6, 634].

Структурализм как «русский метод» требует коренного пересмотра западных научных традиций применительно к истории России, ее философии и ее фольклора, тем более, что, по Якобсону, все расколы в русской жизни и внешние влияния «не оказали воздействия на внутренне развитие русской культуры – ее эволюция протекает параллельно в республике Советов и эмигрантской диаспоре, подчиняясь своеобразной имманентной закономерности» [6, 644]. Говоря о параллелизме духовного развития Советской и эмигрантской России, Якобсон, безусловно, имеет в виду себя и своих соратников, включая евразийцев, – что лишний раз должно подтвердить его тезис о «телеологичности» русской науки.

В широком контексте гуманитарной науки XX века гипотезы Якобсона о русском характере структурализма и сходном развитии советской и эмигрантской науки не нашли подтверждения. Во-первых, методология Якобсона и структурализма в целом выросла на почве не только русской филологии (Бодуэн де Куртэнэ и др.), но также сосюррианской лингвистики и немецкой философии языка – от Вильгельма фон Гумбольдта до Эдмунда Гуссерля [10, 73]. Во-вторых, сам Якобсон в большой степени способствовал успешной «пересадке» структуралистского метода на почву западной науки – достаточно напомнить о его позднейшей встрече с Клодом Леви-Строссом в Нью-Йорке и ее научных последствиях. В-третьих, в 1929 году Якобсон не мог знать о предстоящих социокультурных и политических трансформациях Советского Союза в тридцатые годы, сведших, в частности, к минимуму контакты между советскими исследователями и учеными в эмиграции. Не мог он знать и того, что на рубеже двадцатых – тридцатых в СССР появятся филологические работы М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и В. Виноградова «О художественной

прозе» (1930), которые дадут начало «постформалистскому» периоду в развитии русской гуманитарной науки [8, 3]. И в контексте данных работ тезис о параллельном развитии советской и эмигрантской науки, безусловно, оказывается несостоятельным.

Масштабные обобщения Якобсона объяснимы в контексте «лингвистического поворота» в гуманитарных науках в первой половине XX века, в осуществлении которого, бесспорно, важную роль сыграли Якобсон, Трубецкой, а также русские формалисты. В категорических утверждениях Якобсона слышны отзвуки этой бурной экспансии нового метода. В любом случае – статья Якобсона укрепила критические тенденции по отношению к западной науке и к Западу в целом, ощутимые в ряде публикаций русскоязычных авторов в «Славянском обозрении», в особенности представителей евразийской школы.

Среди «евразийцев» активнее всего на страницах «Славянского обозрения» публикуется географ П. Н. Савицкий. В контексте нашей темы особого внимания заслуживает его работа «Немецко-славянская наука в прошлом, настоящем и будущем» [9, 337 – 344]. Как специалиста, Савицкого прежде всего интересуют российско-германские контакты в области географии. Тезис, защищаемый Савицким в публикации, состоит в признании совместного научно-практического сотрудничества русских и немцев в освоении восточных пространств Российского государства в XVIII – XIX веках. С его точки зрения, в XVIII и начале XIX века между русскими и немцами существовало своеобразное «разделение труда». Если русские первопроходцы открывали новые земли и наносили их на карты, то немцы проводили научные исследования на открытых территориях и кодифицировали картографическую работу [9, 338]. Савицкий называет целый ряд немецких ученых, внесший большой вклад в изучение пространств Евразии: Мессершмидт, Мюллер, Иоганн Георг и Самуэль Готтлиб Гмелины, Стеллер, Паллас, Гюльденштедт и другие [9, 338].

В первой трети XIX века это сотрудничество было продолжено в кругосветных плаваниях российских экспедиций, часто возглавляемых капитанами с немецкими фамилиями - Крузенштерном, Беллинсгаузеном, Коцебу, Литке. Как пишет Савицкий, «Аспект географических открытий, тем не менее, по-прежнему воспринимался как преимущественно *русский* аспект. Как первооткрыватели капитаны с немецкими именами воспринимали себя работниками русской культуры» [9, 339]. При этом исследовательскую работу на судах вели в основном немцы. Савицкий разделяет путевые заметки на русском языке, принадлежащие Крузенштерну, Беллинсгаузену, Коцебу и Литке, и научные отчеты, написанные немецкими исследователями на немецком и латинском языках и фактически не ставшие частью русской науки и культуры.

К активному освоению Российской империей каспийских территорий и Туркестана в 1820-е годы, как продолжает Савицкий, также были привлечены немецкие исследователи. Изучение русских степей в XVIII – начале XIX вв. велось почти исключительно немцами. То же самое можно сказать и об Урале и Алтае. В целом, как подытоживает Савицкий, «1840-е годы являются кульминацией участия немецкой науки в исследовании русского мира» [9, 340].

Ситуация начала изменяться с 1850 года, когда в Русском географическом обществе, основанном в 1845 году, по словам Савицкого, возобладала «русская партия» [9, 341]. С этого времени издательская деятельность Русского географического общества ведется почти исключительно на русском языке. В результате вытеснения немцев из российской географической науки «немецкая наука окончательно оставила почву российского мира» [9, 1941]. Но главную роль в научной

переориентации немецкой географии и науки сыграла, по Савицкому, «внутренняя миграция». В немецкой науке образовались два «фасада»: первый был обращен к океану, к новым колониальным приобретениям Германии в Африке и Азии; второй был направлен на соседние с Германией территории Восточной и Юго-Восточной Европы [9, 341]. Что касается России, то в ней отныне изучается лишь то, что имеет сходство с географией Европы (например, юг европейской России); то, что составляет оригинальность российской географии, напротив, более не вызывает интереса [9, 343].

Савицкий оценивает уход немецкой географической науки из России негативно. По его мнению, в силу географических обстоятельств и специфики исторических контактов немецкая наука «призвана» к изучению русского мира [9, 344]. Но для того, чтобы вернуться к этой задаче, немецкая наука, по Савицкому, должна отказаться от специфического «утилитаризма», которым было отягощено ее отношение к России в последние годы [9, 344]. С таким же пожеланием Савицкий обращается и к российской, советской науке, говоря о необходимости усиления «европеистики» (*Europakunde*), в особенности в связи с Германией и славянским миром [9, 344].

Можно заметить, что призыв Савицкого к немецкой науке больше заниматься (Советской) Россией вписывается в рамки «евразийского проекта», который, помимо идеологических и геополитических намерений, имел и солидные научные амбиции. «Евразийские» импульсы побуждают Савицкого к преодолению «узко географической» точки зрения и к расширительной трактовке географии как науки, включающей идеологические (геополитические), культурологические и антропологические аспекты. В последнем случае статья Савицкого, на наш взгляд, получает неожиданное подкрепление со стороны современной западной антропологии. Антропологическая концепция единого евразийского культурно-географического пространства, независимо от русских евразийцев, разрабатывается английским ученым Джеком Гуди и его учениками, в том числе Кристофером Ханном. Для Ханна, в частности, евразийский континент достоин масштабных сопоставительных исследований как историческая целостность в границах понятия «большого времени» (*longue durée*, [5, 7]). Несмотря на расхождения в методологии и мировоззрении, можно обнаружить примечательное сходство в применении антропологической и культурно-исторической «макроперспективы» в «евразийских» работах П. Савицкого и К. Ханна.

Интересное развитие на страницах «Славянского обозрения» евразийская тема нашла в статье одного из немецких редакторов журнала, Герхарда Геземана, «Сущность Запада и сущность Востока» [4, 371 – 388]. Статья, точнее, лекция, Геземана во многом представляет собой сжатое изложение теории немецкого ученого Гизельхера Вирзинга, изложенной им в книге «Промежуточная Европа и будущее Германии» [11], где евразийское пространство поделено на зоны «атлантического Запада» (Англия и Франция), Германии как «серединного государства» (*das Reich der Mitte*), «Промежуточной Европы» (Восточная Европа) и собственно «Евразии» (Россия) [4, 374]. Эти различные зоны организованы двойным способом: через национально-политическую «государственную интеграцию» и хозяйственную «пространственную интеграцию» [4, 380 – 381]. Они могут совпадать, но чаще всего они расходятся – особенно в Центральной, Восточной Европе и Евразии, причем пространственная интеграция оказывается значительно устойчивее государственной. Основными силами «государственной» и «пространственной» интеграции, по Вирзингу, соответственно, являются «политизирующая интеллигенция» и крестьянство [4, 380 – 381].

Вклад самого Геземана в геополитические и «культурморфологические» рассуждения немецких теоретиков заключается в некоторых обобщающих

характеристиках России как евразийского общества и попытке доказать тезис о том, что Германия как «серединное государство» стоит ближе к Восточной Европе и России, чем к «атлантическому Западу». Геземан обращает внимание на «евразийский парадокс» России, заключающийся в том, что она одновременно является самодостаточным и открытым для различных влияний миром [4, 382]. Специфику евразийского мира Геземан также видит в географически уникальном ансамбле географических зон, тундры, леса, степи и пустыни: «Ни одна из них [географических зон – А. Е.] не может существовать самостоятельно, по отдельности они приговорены к смерти, в совокупности же они образуют автономный мир» [4, 383]. С политической точки зрения, по Геземану, народы Евразии выступают исторически меняющимися носителями определенной и неизменной формы «евразийского государства». В конечном итоге Россия («святая Русь», по словам Геземана) предстает как результат «плодотворного обручения византийской духовной культуры и политических, государствообразующих сил монгольского мира» [4, 386].

Безусловно, сегодня подобные теории могут показаться архаичным и даже реакционным курьезом, особенно в свете исторических событий тридцатых годов в Советской России и Германии. И все же, если отвлечься от политического контекста эпохи и явной предвзятости к атлантической Европе, можно заметить, как в текстах российских (и немецких) евразийцев «с правой стороны» пробивает себе дорогу все та же идея исторического «большого времени», сформулированная французской школой «Анналов» едва ли не в это же время – только с большей научной разработанностью и убедительностью, на ином, «средиземноморско-атлантическом» материале и в более «удобном» с сегодняшней точки зрения либерально-демократическом контексте. В данном отношении евразийская мысль обладает большим эвристическим потенциалом, формируя свою теорию на пересечении различных дисциплин и обосновывая наличие устойчивой хозяйственной и культурно-антропологической общности, известной нам сегодня как «Евразия».

Вернемся к «Славянскому обозрению» и его линии на сближение между советской и русской эмигрантской наукой. Одна из таких попыток была предпринята Д. И. Чижевским в статье «Современная русская философия» [2, 730 – 739]. В самом начале работы Чижевский отмечает очередной парадокс интеллектуальной жизни в Советской России: несмотря на кажущуюся противоречивость, ее духовная, философская продукция отличается небывалым внутренним единством и последовательностью [2, 730]. Чижевский объявляет неактуальными дискуссии западников и славянофилов, а также деление российской философии на советскую атеистическую и эмигрантскую религиозную [2, 731]. В одном ряду упоминаются три труда по философии языка – две «Философии имени» разных авторов (С. Булгакова и А. Лосева) и «Марксизм и философия языка» В. Волошинова. Всем этим работам, по Чижевскому, свойствен онтологический «реализм» по отношению к языку [2, 732]. Еще больше сходства Чижевский видит в философских «настроениях» в Советской России и в эмиграции. Чуть ли не дословно следуя за Романом Якобсоном, Чижевский усматривает общий пафос спекулятивной философии, неприятие позитивизма, механицизма и «ползучего эмпиризма» как у «коммунистических марксистов», так и у «идеалистических» философов эмиграции [2, 732 – 733]. В качестве примера он указывает на сходство марксистского учения о «единстве противоположностей» (Деборин) и диалектики С. Франка [2, 735]. Чижевский не обходит вниманием и философские основания частных наук, прежде всего структурализма, представленного среди авторов «Славянского обозрения» Якобсоном.

Чижевский по-своему описывает генезис единой русской мысли. Его описание несколько отличается от тезисов Якобсона (см. выше), но в принципе размещается в общем контексте установки на «особый путь» русской науки и философии. Центральная линия в развитии русской философии у него ведет от А. Введенского через Н. Лосского и П. Флоренского к Франку, добавившему к антипсихологизму Введенского, онтологизму Лосского и спекулятивной философии Флоренского собственное оригинальное учение о диалектике [2, 735]. Чижевский представляет философию Франка как одну из вершин русской философии в целом. Франк во многом реализовал «славянофильские интенции», но при этом поколебал «славянофильскую догму о самодостаточности русского мышления», подчеркнув в своем творчестве то, от чего упорно отрешивались славянофилы, – влияние немецкой духовной традиции, в особенности мистики, романтики и философии, на русскую мысль [2, 735]. Так, по Чижевскому, в XX веке европейская философия (через преимущественно немецкую мысль) проникает в прежде почти полностью закрытый от нее круг русских славянофилов [2, 736]. В заключение Чижевский перечисляет сильнеешие, с его точки зрения стороны современной русской философии. Это диалектика, основанная на платонизме (А. Лосев, С. Гессен); мистицизм (Н. Бердяев); разработка наследия немецкой идеалистической философии (Лосев, Бердяев, школа Деборина в советском марксизме); восходящий к немецкому романтизму «символизм», представленный Лосевым, Бердяевым, Волошиновым; онтологизм, в XX веке получивший, по мнению Чижевского, «антропологическую окраску» у таких авторов, как В. Розанов, Н. Федоров, Л. Карсавин [2, 738].

Как уже говорилось, научно-публицистические статьи «Славянского обозрения» не получили должного отклика со стороны авторов из Германии. Выделим здесь наиболее интересную, на наш взгляд, реплику, принадлежащую немецкому философу Рудольфу Панвицу [7, 305 – 310]. Задавая вопросом о значении немецкой культуры для славянского мира, Панвиц исходит из того, что исторический процесс и культурное заимствование неразрывно связаны между собой. Взаимодействие культур одновременно приносит пользу и вред: «То, что перенимается определенной культурой, должно быть переработано в качестве материала и включено в живую ткань иной культуры. Это невозможно без разрыва как с собственной, так и чужой культурой» [7, 305].

В дальнейшем Панвиц высказывает мнение, с неожиданной стороны подкрепляющее «славянофильскую» позицию «Славянского обозрения». Он полагает, что славяне в совокупности участвовали в культурной жизни «ведущих народов» лишь на короткое время и теперь стоят перед необходимостью ускоренного, «догоняющего» культурного развития [7, 306]. Эта задача славянского культурного строительства, по Панвицу, сформулирована в знаменитой речи Достоевского памяти Пушкина как утверждение «всемирности» русского сознания. Панвиц сравнивает речь Достоевского с «Речами к немецкой нации» Фихте, «самого решительного националиста среди немецких мыслителей». Если убрать «национальное высокомерие», то сущность этих речей русского («славянского», по Панвицу) и немецкого авторов заключается в требовании «сверхнациональной» (*übernational*) культуры вместо национальной или интернациональной. Именно немецкая и славянская культуры максимально близки к реализации этой культурной максимы: первая на протяжении последних ста пятидесяти лет, вторая – в последние десятилетия обновления [7, 306].

Панвиц идет дальше и говорит о неизбежном в будущем срастании немецкой и славянской культур на почве «сверхнационализма» и, далее, образовании на этой

основе синтетической общеевропейской культуры [7, 306 – 307]. Предостерегая славян от увлечения поверхностными, с его точки зрения, немецкоязычными авторами (например, Рильке, к которому он относится с предубеждением), Панвиц рекомендует заниматься подлинными, глубинными выразителями немецкого духа, к которым он относит Ницше, Стефана Георге и Гете. Свою заметку он заключает следующими словами, обращенными как к немцам, так и славянам: «Мы знаем, что многое можем дать, но также и то, что дается это многое с большим трудом, и прежде всего для нашего собственного народа» [7, 310].

Рассуждения Панвица не получили отклика на страницах журнала ни с немецкой, ни со «славянской» стороны. Несмотря на усилия редакторов и авторов «Славянского обозрения», диалог немецкой и славянской культур был оборван к концу тридцатых годов – прежде всего в силу крайнего обострения политической ситуации в Европе. Следует признать, что определенную долю ответственности за ухудшение политического и интеллектуального климата в Центральной и Восточной Европе несет и «Славянское обозрение», несмотря на серьезные прорывы, во многом оставшееся в рамках националистических спекуляций. Во второй половине тридцатых количество немецких сотрудников журнала сокращается до минимума. То же самое можно сказать и о советских авторах.

Подводя итоги, подчеркнем, что «Славянское обозрение» фактически переросло отведенную ему задачу чисто информативного органа. Бесспорно, журнал исправно поставлял важную научную информацию из славянского мира в виде обзоров и рецензий. Однако во многих случаях рецензенты не ограничивались реферированием и превращали свои заметки в полноценные статьи, как это произошло, например, с Д. И. Чижевским и его работой «Современная русская философия». К информативности добавляются полемичность, идеологичность и междисциплинарность. Перед нами – сложное смешение национализма, социокультурного и политического утопизма, смелого междисциплинарного и методологического эксперимента и академической научной добросовестности. Многие из того, что напечатано в «Славянском обозрении», обречено забвению. Но многое сохраняет научную и культурную актуальность. Это касается не только пересечения границ отдельных наук и создания новых дисциплин. Речь идет также о значительном теоретическом и прогностическом потенциале публикаций «Славянского обозрения» как в плане обширных исследовательских программ, так и в плане общеевропейской научной и культурной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ерохин А. В. Российская германистика в эмиграции: журнал «Германославика» и его русские авторы // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 3. М., 2007. С. 197 – 207.
2. Čyževs'kyj D. Die russische Philosophie der Gegenwart // Slavische Rundschau. Jg. II. 1930. S. 730 – 739.
3. Deutsche Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag // Slavische Rundschau. Jg. III. 1931. S. 1 – 7.
4. Gesemann G. Wesen des Westens und Wesen des Ostens. Eine Vorlesung // Slavische Rundschau. Jg. V. 1933. S. 371 – 388.
5. Hann Chr. The Anthropology of Eurasia in Eurasia. Halle/Saale, 2003.

6. Jakobson R. Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Slavische Rundschau. Jg. 1. 1929. S. 629 – 646.
7. Pannwitz R. Die Bedeutung der deutschen Kultur für die Slaven // Slavische Rundschau. Jg. III. 1931. S. 305 – 310.
8. Renfrew A. The resurrection of a poetics // Critical Theory in Russia and the West. Ed. by A. Renfrew and G. Tihanov. London and New York, 2010. Pp. 1 – 25.
9. Savickij P. Deutsch-slavishe Wissenschaft einst, jetzt und in Zukunft // Slavische Rundschau. Jg. II. 1930. S. 337 – 344.
10. Seifrid Th. "Once out of the nature". The organic metaphor in Russian (and other) theories of language // Critical Theory in Russia and the West. Ed. by A. Renfrew and G. Tihanov. London and New York, 2010. Pp. 63 – 80.
11. Wirsing G. Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft. Jena, 1931.